

Сергей Журавлев Андрей Селюхов

НИЖЕ —
ТОЛЬКО ВВЕРХ

Книга первая

Гремучая смесь

**Андрей Адольфович Селюхов
Сергей Александрович Журавлев
Гремучая смесь
Серия «Ниже – только вверх», книга 1**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4944238
Ниже – только вверх. Кн. 1. Гремучая смесь. Роман.: Люмэн; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-905590-03-0*

Аннотация

Роман открывает серию многоплановых остросюжетных социально-философских произведений.

Главный герой достиг материального благополучия, используя совокупность качеств, присущих предприимчивым людям. Но такой не карманный герой не по вкусу многим, потому что он мыслит не так, как им хочется, – мыслит свободно. Преуспевающий бизнесмен уличен в трафике наркотиков, арестован и закрыт в СИЗО. Подставив, как пешку в крупной игре, злоумышленники не сомневаются даже в его смерти. Но ему удалось невозможное – вместе с горсткой честных людей вырваться из преисподней.

Для широкого круга ценителей остросюжетной литературы.

Содержание

Пролог	4
Для явления чуда гармонии подлинному художнику достаточно единственной линии	5
Как в памяти минувшего, так и в предвидении будущего, настоящее теряет ценность	8
Личная свобода дается каждому под его ответственность	9
Свободный выбор человека не меняет его судьбу	11
При явной легковесности нуля с ним единица – сразу десять	13
Хозяин собственной судьбы, как прочий, случаю подвластен	14
Все змеи в лесу выползают из одного болота	16
Багаж вечных ценностей большинства есть сумма их сиюминутных интересов	18
Уходя вглубь себя, все больше открываешься снаружи...	22
Одиноким, как никто другой, находится на пути к единению в паре	26
Картина, которую пишет время, не всегда приятна глазу	28
Перед оклеветавшим единожды, пусть даже недруга, закроются ворота чести	29
Для тела жизнь важнее всего, тем более, в гробу карманов нет	31
При свете вскроется немало того, что тьмою рождено	33
Великий дар божий: иметь, что желаешь, и умереть во сне	34
Жить трудно на земле тому, кого к себе призвало небо	35
Коль вышел гордо в путь нескорый, к чему тогда тебе спешить?	37
На загнившем стволе погибнут и зеленые ветви	39
Сквозь тусклое стекло мне видится в рубинах мало блеска	41
Оскорбление небу отзывается земной скорбью	44
Свет всегда заметнее из темноты	45
Ничто так не притягивает, как противоположность	46
Становление «воинов»	47
Когда в голове пустота, особенно легко бывает телу	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Журавлев Сергей Александрович,
Селюхов Андрей Адольфович
Ниже – только вверх.
Книга 1. Гремучая смесь**

Все персонажи романа вымышлены, совпадение или сходство их имен с именами реальных людей случайны.

Пролог

Человек сидел на кухне и вспоминал все произошедшее с ним за последние двадцать лет. Одно событие перевесило все остальные. Пришло время сделать свой выбор. Блюдо под именем «Мечь», готовившееся так долго, остыло. Пора приступить к трапезе.

Человек позвонил по телефону и сказал:

– Он выехал. Начинайте...

Для явления чуда гармонии подлинному художнику достаточно единственной линии

Прилетев в аэропорт, он прошел таможенную по зеленой линии и подумал: «До сих пор не могу привыкнуть к пересечению границы. И пусть ее не видно, но внутреннее напряжение сказывается. Ну, да ладно. Сейчас сяду в свою «Ауди R8» и через полчаса буду дома. Горящий камин, глоточек «Мартеля» и верный пес у ног. Прислуга предупреждена о приезде. Завтра лично узнаю, кто или что первало мой отдых».

А в это время на крытом паркинге для VIP-клиентов, возле спортивной машины, стояли два человека и внимательно наблюдали за уважаемым мужчиной, вышедшим из здания аэропорта. При ярком искусственном освещении они могли рассмотреть мельчайшие детали его облика. Человек, которого они ждали, выглядел очень стильно. Над воротником его белого кашемирового пальто виднелась черная полоска пиджака, а над ней, особо изящно, как пришитый, красовался ворот белоснежной рубашки, стянутый лиловым галстуком. Ровные, без единой складочки брюки темно-синего, а вернее, цвета вороньего крыла опускались на черные, сверкающие зеркальным блеском туфли. Лицо соответствовало костюму: смуглое от приобретенного под южным солнцем загара, чисто выбритое, с правильным носом и четко очерченными губами. Под шляпой «Трилби», опоясанной лентой в цвет галстука, виднелся безукоризненно подобранный затылок. Шикарный вид мужчины был насмешкой над наблюдателями, и только профессионализм вынуждал их столь детально изучать объект. Этот человек полностью подходил под описание.

Двое у машины переглянулись: именно его они и ждали.

– Господин Саенко? Феликс Сергеевич? – спросил человек похожий на инопланетянина.

– Да. Это я. А с кем имею честь?

– Младший советник юстиции Следственного комитета Российской Федерации Глыздин Александр Петрович. Вот мое удостоверение, – «инопланетянин» показал документ.

Внешность он имел действительно забавную. Вытянутая лысая голова с тонкими торчащими ушками и двумя дырочками для газообмена вместо носа, переходящая в тонкую шею, делала его похожим на лампочку ватт на пятьсот, освещающую подземный переход. Если бы его широко посаженные глаза располагались не горизонтально, а вразлет, сходство с киношным пришельцем было бы абсолютным. Такого раз увидел – не забудешь никогда.

– Это мой коллега, юрист первого класса Анишин Вадим Валерьевич, – представил «инопланетянин».

Двое у машины переглянулись: именно его они и ждали.

– Господин Саенко? Феликс Сергеевич? – спросил человек, похожий на инопланетянина.

Второй тип был совершенной противоположностью первому. Ушей не видно вовсе, одни щеки и сразу плечи. Ротик для такой огромной хари слишком маленький, а нос явно сломан, потому что заваливался влево. Маленькие глазки были разные: один горизонтальный, второй повернут краем вверх. Физиономия имела выражение задумчивости, но при этом не вызывала доверия.

– Вы должны проехать с нами. Есть несколько вопросов, которые мы хотели бы решить с вашей помощью.

– Я задержан?

– Нет, что вы, Феликс Сергеевич! Это обычная беседа. Вы не откажете работникам Следственного комитета в такой малости? Мы на машине, и буквально через час вас доставят в указанное вами место.

Господа были столь убедительны и вежливы, что отказать им было сложно. Разумеется, важную роль сыграла генетическая память последних поколений. В подобных ситуациях логика оказывается бессильной перед таким аргументом, как удостоверение советника юстиции целого Следственного комитета.

«Что вызвало ко мне интерес государевых людей? – недоумевал Саенко, ведя мысленный диалог с самим собой. – К власти лоялен. Даже в их партию вступил – прости, Господи, за эту слабость. Налоги уплачены, насколько позволяют страх и самолюбие. Куда делись лоск, уверенность за три минуты вежливой беседы с «опричниками»? Взять бы да сказать: «Господа, я не расположен беседовать о погоде. И если у вас нет ордера на задержание, позвольте мне продолжить заниматься своим делом.

Приходите с ордером – тогда с удовольствием с вами пообщаюсь». Мог сказать, но ведь не сказал! Показали «корочки», в мозгу щелкнул внутренний выключатель, и сразу застыл как кролик перед удавом. Даже не дернулся. Молча сел и поехал. Никакое богатство не смогло выдать во мне раба... Может, к лучшему, что жена решила задержаться?»

Как в памяти минувшего, так и в предвидении будущего, настоящее теряет ценность

Машина остановилась.

«Ага, приехали», – сообразил задержанный.

– Феликс Сергеевич, не утомились? Ответите на пару вопросов, и мы освободим вас от общения с нами. Прошу. Заходите. Вас ждут.

В кабинете его встретил добродушный лысоватый дядюшка с умнейшими глазами. Он был похож на старого волшебника. Казалось, сейчас наденет колпак звездочета, обнимет и скажет: «Феликс! Здорово мы тебя разыграли?! Расслабься, ты в России!» Но вместо этого услышал:

– Вы гражданин Саенко Феликс Сергеевич?

– Да, – уверенно ответил прибывший.

– Родились 27 октября 1966 года в городе Луганске?

– Именно там.

– Добрый вечер. Меня зовут Дмитрий Дмитриевич. Я советник юстиции. Ознакомьтесь вот с этим документом. Да вы не стесняйтесь. Присаживайтесь.

И если поначалу вид «звездочета» вселял надежду, что задержание ошибочно, то бумаги, переданные для ознакомления, ввели его в ступор. В них значилось: «28 января в 19 часов 45 минут, во время прохождения автомобильного пункта пропуска МАПП Крупец – Рыльск, был проведен досмотр автомобиля, принадлежащего фирме ЗАО «Евро-Рос ЛТД», который перевозил восемнадцать тонн электронных сигарет. В одном из ящиков обнаружено три килограмма вещества белого цвета. В результате проведенной экспертизы данное вещество идентифицировано как кокаин высокого качества. Автомобиль и груз арестованы. Люди, сопровождающие груз, задержаны».

– Как вам такая информация? – поинтересовался человек, сидевший под портретами гарантов.

– Фирма входит в мой консорциум, – после минутного замешательства промолвил Саенко. – Мы действительно начали поставку электронных сигарет из Голландии. Но при чем здесь кокаин? При чем здесь я?

– Феликс Сергеевич, именно для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, мы и пригласили вас сюда. Дело в том, что задержанный нами экспедитор в ходе допроса показал, что один из ящиков с сигаретами он должен был доставить к вам домой. И что удивительно, именно в этом ящике и было обнаружено три килограмма кокаина. Возбуждено уголовное дело по статье 228 УК РФ за распространение наркотических средств в особо крупных размерах. И, увы, мы вынуждены задержать вас как подозреваемого в организации наркотрафика. Вот постановление. Можете сделать звонок и пригласить на завтра своего адвоката.

– Вы что, сдурели?! Это одна из моих многочисленных фирм. Я не могу отвечать за действия всех своих сотрудников!

– Гражданин Саенко! Не усугубляйте своего положения. Делайте положенные вам звонки. Допрашивать вас после двадцати двух не имею права, а сейчас именно двадцать два. Так что расстаюсь с вами до завтрашнего утра. После звонка вас отведут в камеру предварительного заключения, а уж потом отправят в СИЗО, где вы задержитесь до завершения следствия. Кстати, постановление суда о вашем аресте имеется. Им же принято решение отказать в освобождении под залог. Суд провели заочно. У нашего Комитета есть такое право. Особенно, учитывая тяжесть преступления и то, что его организатор имеет двойное гражданство.

Личная свобода дается каждому под его ответственность

Место Волшебника заняли Глыздин и Анишин. Первый отнял у Феликса айфон, бумажник, документы, ключи от машины, сигареты. В общем, все, что было у него в карманах. Второй дал трубку городского телефона.

– Что же это вы, гражданин Саенко, сами курите, а других на электронные сигареты подсаживаете? Нехорошо лицемерить. Да вы звоните. Нас не задерживайте. Время позднее. Нам нельзя нарушать законы и проводить следственные действия после десяти вечера.

– Я не держу в памяти телефон адвоката! Дайте мой айфон! – потребовал Феликс.

– Не имеем права. Он изъят.

Ему ничего не осталось, как набрать по памяти номер адвоката. Абонент не отвечал. Он набрал снова. И опять тишина.

– Гражданин Саенко, вы использовали свое право на телефонный звонок. И по большому счету, нам все равно, будете вы говорить или молчать. Нам незачем использовать все сказанное вами против вас. Все, что надо сказать против вас, давно сказали другие. Отдайте шнурки и галстук. Пойдемте. Сейчас вам покажут ваши «апартаменты» на сегодня.

Задержанный вынул шнурки и снял галстук. Анишин вышел первым, за ним Феликс. Замыкал, дыша в затылок, Глыздин. Отойдя метров двадцать от кабинета, где Волшебник так резко изменил судьбу успешного бизнесмена, Анишин открыл дверь, а Глыздин втолкнул арестованного внутрь. Дверь захлопнулась. В замке провернулся ключ. Все! Закрыт!

Проведя рукой по стенам, арестант попытался обнаружить выключатель. Не нашел. Зато определил размер комнаты – метр на метр. Меньше конуры для дворняги. А у его курцаара отдельная комната. Стула тоже нет. Еще час назад он думал о собаке, камине... Размышлял о чем угодно, кроме того, что будет обвинен в торговле наркотиками, арестован и проведет ночь голодный в конуре без шнурков и света. Хотелось надеяться, что это будет единственная ночь в заточении, а завтра он отыграется на этих глыздиных, анишиных и советниках.

«Мне бы ночь отстоять. Именно отстоять, потому что садиться на пол в брюках стоимостью в квартальную зарплату моих тюремщиков не хочется, хотя бы из принципа. К тому же здесь сильно разит мочой», – это были последние горделивые мысли борющегося со сном узника.

Под утро Феликсу было уже все равно, сколько стоили его брюки.

Место Волшебника заняли Глыздин и Анишин. Первый отнял у Феликса айфон, бумажник, документы, ключи от машины, сигареты. В общем, все, что было у него в карманах. Второй дал трубку городского телефона.

Ноги просто отказывались держать тело. Спал сидя, привалившись к стене. В его мозгу, пока еще живущем свободой, всплывали картины прошлого...

Свободный выбор человека не меняет его судьбу

...Он обсуждал со своим товарищем по срочной службе ближайшие выходные. Сегодня товарищ возглавлял одно из лесных хозяйств в Карпатах, площадь которого равна площади Одессы. Зверье там водится всякое, но его интересовал глухарь. Сейчас самое время на него поохотиться.

– Феликс Сергеевич, к вам на встречу пришел эксперт по сигарному табаку из отдела закупок сырья господин Лядвин, – сообщила секретарь по внутренней связи.

– Он что, не мог по телефону со мной связаться?

– Говорит, архиважно. По телефону такое вы сами запретили обсуждать.

– Ладно, впускай.

Вошел Лядвин.

– Добрый день, Феликс Сергеевич.

– Какой же он добрый, коль вы пожаловали?

– Да уж не взыщите. Работа моя такая...

– Ладно. Присаживайтесь и выкладывайте.

– Ситуация требует принятия немедленного решения. Сейчас мы закупаем табак на острове Ява, а новый владелец, папочкин сынок, получивший плантации в наследство, проигрался в Лас-Вегасе и намерен все продать с молотка. Смена владельца может привести к изменению ассортимента или, того хуже, переориентации новых хозяев на других покупателей. Вы же знаете, как долго мы налаживали поставки этого элитного табака для сигар «Двойная Корона» и «Черчилль»?!

«Почему бы мне не приобрести эту плантацию, да так, чтобы об этом мало кто знал?» – мелькнуло в голове у бизнесмена, и он поспешил распорядиться: – Предоставьте мне всю имеющуюся информацию по плантации. Немедленно.

– Хорошо, Феликс Сергеевич.

Лядвин вскочил и через пять минут выложил на стол перед своим директором фотографии острова Ява.

«А ведь мне там бывать так и не пришлось, – подумал Феликс не без сожаления и, набрав номер управляющего, заговорил по-английски:

– Добрый день. Как дела, Мигель?

– Более-менее, – ответил человек с сильным испанским акцентом.

– Вы испанец?

– Кубинец.

– Понятно. Вас беспокоит Россия, ваш потребитель табака. Меня зовут Феликс. Что у нас с поставками на этот сезон?

– Я знать русски. Учился Москва. Англиски мой многа плоха, чем русски, – сказал собеседник, и они перешли на русский.

– У нас на плантации скоро произойдет смена хозяина, и я ничего не могу обещать по поводу поставок. Может, и меня сменят.

– Сколько задолжал ваш хозяин?

– Семнадцать миллионов.

– Какова реальная стоимость плантации?

– Если продавать с урожаем, который можно пощупать, миллионов семьдесят. А пока ничего нет, то и за двадцать не купят.

– Мигель, а ты согласился бы стать моим управляющим, если она станет моей?

– Мне нравится эта работа. Я умею ее делать, – убедительно и с расстановкой проговорил кубинец.

– Звони хозяину и говори, что русский готов начать переговоры. Пусть дает мне свой телефон.

– Хорошо, Феликс.

– До свидания, Мигель.

При явной легковесности нуля с ним единица – сразу десять

Янки начал торг с сорока миллионов. Феликс заявил, что пятнадцать готов передать ему хоть сегодня, а за сорок, возможно, купит плантацию осенью, при условии урожая табака. Через час переговоров янки спустил цену до двадцати пяти. Русский стоял на своем. На следующий день, с утра, янки просил двадцать. К обеду сошлись на семнадцати.

Феликс летел на Яву, чтобы оформить сделку и осмотреть свои владения. В аэропорту Нгурах-Рай его встречал управляющий табачной плантации Мигель, худошавый мужчина неопределенного возраста, с упругой кожей и абсолютно седыми волосами.

- Сколько тебе лет, Мигель? – поинтересовался русский.
- Сорок шесть.
- А почему совсем седой?
- Это долгая история, связанная с моей работой на социалистической Кубе.
- Расскажешь как-нибудь?
- Обязательно.

Феликс Саенко переоформил учредительские документы, определив долю Мигеля в двенадцать с половиной процентов, при условии, что он увеличит производительность плантации на двадцать пять. Открыл депозит в банке и подписал дополнительные условия по распоряжению деньгами. Теперь снять поступающие на счет от продажи табака деньги мог только он – новый хозяин и только присутствуя лично. Внешнее сходство, удостоверения личности не имели никакого значения, только живые отпечатки пальчиков, ладошек и фото сетчатки глаз.

Место новому хозяину понравилось безумно, и он решил обязательно сюда наведаться, когда в России будет зима...

Хозяин собственной судьбы, как прочий, случаю подвластен

Настоящее время

– Саенко! Подъем! Выйти из камеры! Лицом к стене! Вперед!

Переполненный мочевой пузырь уже давно не давал Феликсу спать, и поэтому он радостно воспринял и прокомментировал предложение конвоира:

– Если бы мне пришлось провести взаперти еще хотя бы час, к устойчивому здешнему «амбре» добавился бы запах и моей мочи...

Надзиратель никак не отреагировал на его реплику и через пару минут привел задержанного в тот самый кабинет, где ему вчера предъявили ордер на арест. Теперь, кроме советника, там присутствовал семейный адвокат Феликса Саенко. Окрыленный надеждой, бизнесмен кинулся радостно обнимать законника, но объятия юриста были вялы.

– Леонид Аркадьевич, что происходит? Прилетел, выхожу из аэропорта, меня задерживают и привозят сюда. Здесь мне предъявляют обвинения в контрабанде наркотиков. Показывают ордер на арест. Говорят, что уже состоялся суд, санкционировавший этот арест. Пришлось провести ночь в какой-то вонючей конуре. Вы решили вопрос с моим освобождением?

– Уважаемый Феликс Сергеевич! Все гораздо сложнее, чем вам кажется. У вас дома в присутствии управляющего и понятых произведен обыск, в ходе которого было изъято еще два килограмма кокаина. Меня как вашего адвоката пригласили присутствовать. И, увы, я вынужден подтвердить, что процессуально все выполнено правильно. Основания для вашего задержания налицо. Апелляцию по поводу вашего задержания я подал, но получил отказ. В освобождении под залог суд нам тоже отказал. Увы, сейчас вас отвезут в следственный изолятор временного содержания. Крепитесь, Феликс Сергеевич. Ваша супруга на телефонные звонки не отвечает. Ордер на ее арест, как на вашего сообщника, тоже выписан. Лично я считаю, что вы невиновны, и подключу лучших адвокатов. Мы вас освободим.

– Гражданин Саенко! Сейчас за вами приедет конвой. У вас есть просьбы?

– Да, отведите меня в туалет. Мочевой пузырь разрывается. Да и голова тоже...

Через двадцать минут зашел конвой, расписался в получении Феликса, как экспедиторы расписываются на базе при получении скоропортящегося товара. Мяса! По сути, он и является для них мясом.

– Лицом к стене! Руки поднять!

Его обыскали, вывели из здания и загрузили в «воронок». А ведь совсем недавно он катался в других машинах...

Феликсу вспомнился май, солнце, девушки в коротких юбочках, цветущие вишни и он на только что привезенной с Женевского автосалона первой в СНГ «Ауди R8». От ударов восьмицилиндрового двигателя, вобравшего в себя табун жеребцов, мурашки по коже. Скорость всего шестьдесят километров, обороты двигателя 1600, звук низкий, как урчание очень большой кошки.

Все взгляды нацелены исключительно на машину. Детвора дергает за руки и рукава родителей, тыча в спорткар пальцами. Тинэйджеры снимают мобилками. Девушки улыбаются, а парни уважительно поднимают вверх указательный палец.

Мурлыча в такт двигателю, он даже сочинил стишок:

Мчит машина меня в себе,
Правой ногою газ вжимаю...
Мощь ее разрывает извне,
И безумцем меня называют.

Голову вертит и стар, и млад:
– За четыре секунды до сотни!
Кто кулак поднимает – гад!
Кто-то твякает из подворотни.

Тот, кто вечно судьбой гоним,
Злобен к тем, кто его успешней.
Свои беды напоит в дым,
Убегая от жизни прежней.

Нет рецепта успех поймать...
Видно, так захотел Всевышний:
Кто-то еле найдет пожрать,
А для кого-то всегда стол пышный.

И вот он в «воронке».

– Офигеть! Ничего себе метаморфозы! – вырвалось у Феликса.

В фургоне машины, вмещающей двенадцать человек, находилось около двадцати. Ему досталось стоячее место. Почему-то большинство людей смеется, а у него на душе паскудно. Страх нет. Вернее, он был всегда, но приглушенный ощущением, что с ним беды не случится. Увы, случилось. Видать, где-то допустил оплошность. Прогневал судьбу своим счастьем. А ведь говорила бабушка, что в России человек, живущий в счастье, наполовину глуп, а на другую половину – блаженный, потому что страха не имеет.

Пока доехали в СИЗО, насобирали по районным управлениям полиции еще двадцать арестантов.

– Выходить по одному! – скомандовал конвой.

– Саенко! Статья! Год рождения! Отвечать четко! В глаза не смотреть!

– 1966, статья 228, часть третья.

– Руки за спину! За мной!

Они шли по гулкому коридору. Сквозь железные двери камер слышался голос тюрьмы. Феликс чувствовал взгляды местных жителей.

«Попутчики из «воронка» говорили, что живут в тюрьме второй год, а суда еще не было, и когда будет, неизвестно, – подумал Феликс. – А у меня сегодня первый день. Что меня ждет? Не знаю. Но в плохое верить не хочется».

– Лицом к стене! – скомандовал надзиратель и открыл дверь в камеру. – Отойти от двери! Всем встать! Принимайте новенького!

Все змеи в лесу выползают из одного болота

В нос ударил запах фекалий, хлорки, немытых тел, табака и безнадёги. Впервые Феликс почувствовал, что эмоции могут иметь запах! Несло загнанной в угол и опрокинутой на спину, скулящей бездомной дворнягой, в которую ради потехи швыряют камни. Невыносимо, до рвотных судорог, смердело разложившейся плотью, вернее не плотью, а падшей душой, ползущей на коленях в преисподнюю. Смердело утробным страхом жертвы перед хищником... Дверь закрылась.

В камере размером три на четыре находилось восемь нар, стоящих в два ряда. Человек двадцать уставились на вошедшего.

– Ну, мил человек, представься народу, что за зверя к нам, сидельцам, занесло? Что натворил? За что государеву власть на себя натравил? – спросил разукрашенный наколками крепыш, сидевший за столом и попивающий из железной кружки чифирь.

– Саенко Феликс. Бизнесмен. Не знаю, за что меня посадили. Обвиняют в организации торговли наркотиками. Но я этого не делал!

– А здесь никто не делал того, за что закрыт, – хохотнул здоровяк лет тридцати пяти. – Меня вот следак спрашивает: «Сколько ты теток ограбил и убил?» А я, как и ты, говорю: «Начальник, не знаю ничего и про грабеж только в фильмах видел». Но не верит мне следак. Уже третий год не верит.

– Глыба, да ты посмотри на этого полупокера. Белый хлеб нам голодным! – отозвался худощавый, вставая из-за стола. – Ты пошто, барыга, народ травишь наркотой? Мало, что ли бабла срубил на бизнесе? Решил еще на герыче погреться? А ты знаешь, что у меня от него дочка сгорела за год? – худощавый, растопырив пальцы, вплотную приблизился к Феликсу.

– Краб, охолонь! Я тасую! Мы его на чифирь не зовем и в десны лобызать не будем! Тока и не суд мы ему! – вмешался другой, явно местный авторитет. – Если есть конкретная предьява этому барину – предьявляй. А пока пусть проходит в наш дом. Приглядимся к нему... Погоняло есть?

– Что?

– Имя твое?

– Феликс.

– Теперь тебя Бариним звать будут. Пока...

– Я устал. Мне бы отдохнуть, – как можно мягче произнес новенький.

– С этим, Барин, у нас тяжело. Отдыхаем по очереди. Вон сядь в уголку. Твоя шконка, по-твоему, кровать, верхняя. Это дальняк – на воле туалет. Но в него не ходи, пока народ ест.

– Закурить найдется? – осмелев, спросил Саенко.

– Родня-то есть? Кто тебя греть будет? – вопросом на вопрос ответил кто-то из старожил.

– Родители умерли. Жену тоже обвиняют. В бегах она. Завтра адвокат придет. Скажу ему, что надо принести.

– Ну на, покури.

– И поесть бы. Сутки не ел...

– Жди обеда. Через три часа принесут. А пока у тебя ни родины, ни флага. Тебе сейчас дам чифирь-бак, кружку по-твоему. И весло. Это ложка. Вот твой телевизор, то бишь, полка. И помелом меньше трудись. Слово сказал, обоснуй. Не можешь – держи «хлеборезку» закрытой. И помни, здесь есть хаты правильные, как наша, где живут по понятиям. А есть шерстяные, там «шерсть» сидит, которые у нас вне закона. А есть пресс-хаты. Туда лучше не попадать. Тебя сразу начнут на что-то подламывать... грузить будут на деньги... Про них

такие прогоны среди каторжан ходят – возьми и убей, проще будет. А не то сгнобят. Здесь такая хата № 11. Много на них крови братвы. Но «башню» не вешай. И в тюрьме люди живут.

Арестант огляделся и понял, почему в камере так холодно. В окнах не было стекол. Решетки просто затянули полиэтиленом. Феликс попил воды из крана, постелил на пол пальто ценой в три тысячи долларов, уселся на него и мигом задремал.

– Саенко Феликс Сергеевич! С вещами на выход! – оборвал его короткий сон голос надзирателя.

«В камере пробыл меньше часа. Может, машина правосудия нашла настоящего преступника? Или адвокат договорился про залог и меня отпускают?» – мелькнула мысль.

Снова шли по коридору. Шаги ударялись о стены и возвращались обратно с гулким эхом от дальнего конца. По мере движения они стали раздваиваться, превращаясь в подобие барабанной дроби...

Багаж вечных ценностей большинства есть сумма их сиюминутных интересов

Эти звуки Феликсу запомнились навсегда. В тот день изменилась вся его жизнь.

...Он шагал по широкой мраморной лестнице, с которой убрали ковер, по-видимому, для замены. Гулкие звуки шагов отражались от потолка, уходящего ввысь, и возвращались эхом, повторяя ритм его шагов. Казалось, кто-то играл соло на барабане. Барабанная дробь прервалась, как только он остановился перед дверью кабинета управляющего «Россоцбанка».

– Мне назначено, моя фамилия Саенко, – представился милой девушке-секретарю, и после ее звонка начальству получил разрешение войти.

– Проходите поближе, – пригласил хозяин кабинета, как только Феликс открыл дверь. Возраст мужчины скрывала полнота. На лице ни одной морщинки. Если бы не седина, а мог бы и подкрашивать волосы, больше пятидесяти не дать. Но Феликс знал, что мужчина старше лет на пятнадцать. Волевое лицо выдавало в нем человека, точно знающего, чего он хочет. И высокий лоб, и пропорциональный нос, и рот, и даже уши, не увеличившиеся с возрастом, были безукоризненны. Но этот строгий портрет портил второй подбородок, прикрывающий собой не только ворот рубашки, но и узел галстука. Все вышеописанное обернуто в идеальный костюм с золотым значком на лацкане, указывающим на принадлежность к какой-то партии.

– Орест Минович, мы с вами третий год сотрудничаем. За это время вы могли убедиться в моей порядочности и адекватности. У меня появилась возможность осуществлять крупные финансовые потоки через ваш банк. Какими суточными оборотами наличности вы располагаете? – своим последним вопросом гость просто шокировал хозяина кабинета.

Банкир, обеспечивающий наличными деньгами всех госслужащих, учителей, медиков и пенсионеров целого района с населением в полмиллиона человек, не смог справиться с удивлением и закашлялся.

– Молодой человек, что-то мне не по себе. Давайте пройдем в зимний сад, на свежий воздух, – и он нажал кнопку на столе, справа от массивной золотой пепельницы, вершины ювелирного искусства. Эдакое птичье гнездышко из золота с полкило весом, покоящееся на веточке-рогатине из старого серебра. На одном из отростков веточки имелось ложе для поддержки сигареты. В гнездышке красовалось три бирюзовых яичка с гранатовыми крапинками. Орест Минович никогда не курил, но очень любил подобные «безделушки».

Карта России величиной в полстены сложилась гармошкой, освободив широкий проход в коридор. Финансист пропустил Феликса вперед. Карта-дверь вернулась в прежнее положение.

Вновь шаги по коридору и снова барабанная дробь, под которую Феликс оказался в зимнем саду, вернее, в сказке.

Сад размером с футбольное поле наполнял летний, свежий воздух. Система климатического контроля работала безукоризненно. На высоченных окнах ни капельки конденсата. Муниципальный ботанический сад в сравнении с этим выглядел бедно. Привыкшие к людям волнистые попугайчики смело усаживались на плечи и снова улетали в гущу листвы. В ручьях, протекавших замысловатыми лабиринтами сквозь гроты, плавала разноцветная рыбешка. Над цветами кружились пчелы. Это же надо! На улице минус двадцать четыре, а здесь пчелы!..

Орест Минович пригласил гостя присесть за мраморный столик на скамью из того же розового мрамора. Чуть поодаль, возле ручейка, стекавшего из расщелины в большом камне,

Феликс увидел две статуи из белого паросского мрамора. Одна девушка придерживала кувшин, стоящий на плече, вторая набирала воду из ручья. Их тела прикрывали полупрозрачные туники, подчеркивающие юную красоту и грациозность.

– Вы еще помните, зачем пришли? – спросил банкир.

– Извините, увлекся. Такая красота... Вы мне никогда ее не показывали. Даже не подозревал о том, что у вас есть такое.

– Так и вы раньше мне не делали предложений, подобных сегодняшнему.

– Тогда повторю вопрос. Каков у вас суточный оборот наличности?

– Для чего вам такая информация? – поинтересовался финансист. – И если вы узнаете, то будете ли способны ее переварить. Не говоря о деньгах, которыми располагаю.

– Я вас хорошо понимаю. Кроме того, помню ваш совет: не кушать больше, чем смогу переварить.

– Хорошо. Слушайте. Через мой банк в день проходит пятьсот миллионов рублей.

– Это около десяти миллиардов в месяц?

– Очень точно подметили, молодой человек. И зачем вам столько? – улыбаясь, поинтересовался Орест Минович.

– Мне лично, как и вам, столько не надо. А вот некоторая часть от этой суммы была бы не лишней, – также улыбаясь, удовлетворил его любопытство молодой бизнесмен.

Чуть поодаль, возле ручейка, стекавшего из расщелины в большом камне, Феликс увидел две статуи из белого паросского мрамора.

– Обрисуйте вкратце трансферт...

– Несколько крупных государственных промышленных предприятий получают госкредит под выпуск своей продукции в последующем году. Деньги целевые – на закупку сырья. Моя компания «ООО Промснаб» имеет опыт и берется полностью обеспечить эти предприятия сырьем в следующем году. Переговоры между заинтересованными сторонами состоялись. Всех все устраивает. Дело за малым – учесть мой и ваш интерес, – Феликс закончил свое выступление театральной паузой.

– Продолжайте мысль, – как бы подгонял его банкир, явно заинтересовавшись.

– Кредитные деньги госпредприятий поступают в обслуживающий их банк «Проминвест». По контрактам поставки сырья между моей фирмой и госпредприятиями деньги из «Проминвеста» перетекают на мои счета в вашем банке. Далее я получаю эти средства в виде наличных денег под липовые контракты закупки сельскохозяйственной продукции первич-

ной переработки. Вам, конечно, известна эта единственно законная схема обналичивания средств?

– Как и на чем вы собираетесь заработать?

– Орест Минович, прежде чем услышите ответ, мне необходимо услышать вашу цену, при условии пятьсот миллионов в день на протяжении двух месяцев.

– Это как? Мне придется не выдавать деньги на зарплату госслужащим?

– А разве вас не устроит полпроцента? Это сто миллионов рублей за два месяца! Таких «полянок» штук десять сможете построить. И не здесь.

Старый банкир почувствовал фарт.

– Значит, и пенсионеры... А как же полиция, прокуратура?

– Орест Минович, для них предлагаю еще такую же сумму. Но это ваша задача. И вот что важно, вы впускаете мои мини-автобусы в свои хранилища после завершения работы персонала. На охрану в это время ставите моих людей. Ведь по всем правилам оформления расходных документов к вечеру в хранилищах будут не ваши, а мои деньги?

– Вы мне всегда нравились. Помню, как, увидев вас, сразу подумал: далеко пойдет...

– Ваша доля в девятом мешке. Вами же подсчитанная и вами же туда сложенная.

Банкир заерзал на стуле, подсчитывая в уме барыши.

– Я жду вашего ответа, – торопил финансиста Саенко, понимая, что тот более чем заинтересован. – Не хочу показаться наглцом, но должен напомнить, что во «Внешэкономбанке» меня тоже хорошо знают.

– Согласен, – ответил Орест Минович. – Но вы обещали рассказать, как собираетесь заработать деньги?

– Через два месяца продам наличные вам же под десять процентов.

– А с чего вы решили, что мой банк будет покупать наличные?

– Не вы, – пенсионеры, госслужащие и бизнесмены, оставшиеся без налички вообще. Кольцо замкнется. Денег наличных на некоторое время не станет – почти коллапс. Вы, главное, выполняйте наше соглашение. Ведь ваши бумаги будут в полном порядке.

На лице банкира застыл немой вопрос: «А почему я не запросил один процент?»

О том, какой сложный путь пройдут деньги в период галопирующей инфляции, несколько раз превращаясь в твердую и деревянную валюту, Феликс не считал нужным сейчас говорить.

Уходя вглубь себя, все больше открываешься снаружи...

– Стоять! – окрик надзирателя развеял туман воспоминаний и прервал звуки барабанной дроби. – Лицом к стене! Теперь это твоя камера.

На двери масляной краской была написана цифра 11.

«А есть пресс-хаты. Туда лучше не попадать. Стнобят. Здесь такая хата под № 11. Много на них крови братвы, – звучали в голове слова Глыбы, и сердце упало в пятки. – Но я не братва, а честный человек! Меня не за что прессовать. Сейчас им все объясню. Ведь и здесь люди живут...» – пытался успокоить себя Феликс, стоя перед дверью с двумя «костылями».

Камера мало чем отличалась от прежней. Та же обстановка, но людей меньше. Четверо сидели на шконках, двое за столом играли в нарды. На вошедшего никто не обратил внимания, и он мялся у двери, не зная, что делать дальше. Вдруг из-под шконки вылез паренек с намалеванными губами и стал пытаться обнять и поцеловать новенького в лицо, но тот оттолкнул его. Парень упал на игроков в нарды.

– Ты че, сучок гнутый? – завопил один из них. – Пошто нашу бабу обижаешь? Она к тебе подошла гостеприимство показать, а ты ее бьешь! Ты, баклан, совсем не вежливый. Не успел прийти в хату, а беспределишь!

Камера мало чем отличалась от прежней. Та же обстановка, но людей меньше.

– Я даже с женщинами незнакомыми не целуюсь, а уж тем более с мужиками, – возмутился Феликс.

– А зачем нам игру сломал? – никак не успокаивался горластый. – Сейчас в шеш-беш легко мог выиграть сто пачек сигарет. А теперь, что мне делать? Ты, Митек, отдашь мне эти сигареты?

– Нет, конечно. Потому как сам у тебя мог выиграть. Еще неизвестно, кто бы выиграл. Вон пускай баклан отдает тебе сто пачек и мне сто, – ответил его партнер по игре, лысый, плотный мужик с исколотыми татуировками руками.

Теперь они оба напирала на Феликса. Еще двое слезли со шконок и встали по бокам.

– Попал ты, мужик. Бабе товарный вид попортил... Видишь, губы разбил. Как она работать будет? Нас, честных зеков, лбами хочешь столкнуть? Что скажешь?

– Мужики, давайте разберемся. Из любой конфликтной ситуации можно найти выход...

– Мужики в поле пашут. Ты вообще все берега попутал. Может, на воле под хвост баловался? Тогда мы тебя живо определим. Машку заменишь, пока у нее губы заживут, и долг отдашь. Давай, пацаны, держи его. Сейчас штаны снимем, в тазик посадим и посмотрим, пойдут пузыри или нет...

Саенко понимал, что от четверых отбиться сложно, но без драки ему не обойтись. Если сейчас не ответит, то точно окажется под шконкой, и ему самому придется обслуживать этих зеков.

«Самое главное беречь спину», – только он успел подумать, как кто-то сказал:

– Эй, ша, пехота! Движуха дозволена, коли я разрешу. Если кент накосячил, то ответит...

Лишь теперь он заметил на нарах человека, наблюдавшего за ним. Он отложил книгу, поправил очки в тонкой оправе и подозвал к себе. Подойдя, Саенко увидел, что тот читал Карнеги.

– Присаживайся, мил человек.

Новенький опустил на лавку возле стола.

– Митек, сделай гостю чай. Куришь?

– Да. Но у меня нет сигарет.

– На, кури! И не злись на сидельцев. Их жизнь обозлила. Меня зовут Григорий Михайлович. А вас как?

– Феликс. Феликс Сергеевич.

– И что привело вас в нашу скорбную обитель, Феликс Сергеевич?

– Не знаю, Григорий Михайлович.

– Вы не правы. Все знают. Меня, например, сюда привела жадность. Был бедным. Захотел стать богатым. Нет, я не Робин Гуд и ни с кем не делился. Все себе забирал. Может, и ты из-за этого?

– Да нет. Делюсь. Налоги плачу. Зарплату вовремя выдаю. На церковь жертвовал, хотя не особо верующий.

– Да вы, Феликс Сергеевич, очень наивный человек. Мои мысли не о государстве и церкви. Понимаете? Делиться надо с людьми. Или с конкретным человеком. И не только деньгами, – пояснял очкарик, сверля новенького взглядом.

– Пока не понимаю...

– А вы не понимайте, вы думайте. Что у вас есть такого, чего у других нет? Вот когда додумаетесь и поделитесь этим, тогда жизнь изменится. А пока пейте чаек. Может, покушать хотите? Митек, сделай поесть Феликсу Сергеевичу. Сала порежь, колбаски...

За последние сутки вчерашний миллионер впервые наполнил желудок и, немного осмелев, обратился к авторитету:

– Григорий Михайлович, я сутки не спал. Где будет моя кровать?

– Да, Феликс, ты еще совсем домашний. Жениными пирожками пукаешь. Шконка твоя будет рядом со мной. Смотрю, ты Карнеги не жалуешь? У меня этот автор тоже не из числа избранных. Но здесь помогает. Ты поспи пока. А потом поговорим о литературе. И о Пауло Коэльо, и о Рубаи...

«Может, меня Глыба обманул и эта камера не пресс-хата? – засомневался Саенко. – Там оставили голодным, а здесь дали поесть. Смотрящий похож на интеллигентного человека. Карнеги читает. Конечно, это не ахти какая интеллектуальная книга, но все-таки. Однако Глыба был прав в главном, надо держать язык за зубами. А что имел в виду Григорий, когда спрашивал, есть ли у меня то, чего нет у других?..»

Незаметно Феликса сморил глубокий, спокойный сон, и он не видел и не слышал, как Григорий разговаривал с кем-то по мобильному телефону.

– ...у меня. Нет. Не догадывается. Как вы и просили, все будет контрастно. Да, он к нам попал через пятую камеру. Разумеется, ему сообщили, что у нас пресс-хата. Да, запуган, но не сломлен. Я его «крышую». Возможно все, что вам нужно, сделает добровольно. Понял, жду до завтра.

Феликс проспал ужин и всю ночь, возвращаясь во сне в недавнее приятное прошлое...

Одинокий, как никто другой, находится на пути к единению в паре

«Все произошло быстро и без лишнего жеманства. Я сделал предложение, и Наташа согласилась. Свадьба! Ух!.. Даже сейчас, когда прошло столько лет, у меня дух захватывает при воспоминании об этом трепетном дне.

Количество гостей было таким, что не помещалось ни в один ресторан. Мало того, компания подобралась веселая, а значит, шумная. Решение пришло сразу. Играем свадьбу за городом, в пионерском лагере. Учитывая место проведения мероприятия, организаторы предложили устроить «пионерскую» свадьбу. Идею мы восприняли на ура! Всем понравились приглашения в виде путевок, на которых красовались наши фотки в галстуках и пилотках. Одно приглашение мы храним до сих пор. В путевке была памятка пионеру, где перечислялось, что надо взять с собой в лагерь, и предлагался план мероприятий. Все, как надо! Даже карта для тех, кто собрался добираться своим ходом.

Регистрацию провели на футбольном поле. Гости на трибунах. Служащие ЗАГСа, молодые, свидетели, родственники и близкие на поле. До сих пор помню эту атмосферу волшебства... Церемония, кольца, рушник, поцелуй, первый танец... Это был коктейль из чувств радости, загадочности, ответственности, желания, страсти и безграничной любви к Наташе.

А потом прозвучало долгожданное: «Объявляю вас мужем и женой!» Со звуком «П-ф-ф-ф!» взорвались и взлетели в небо огненные фонтаны, раздались звуки свадебного марша Мендельсона, и шквал аплодисментов накрыл нас. Потом потянулась длинная вереница желающих поздравить новобрачных. Объятия, поцелуи, река цветов и море счастья...

На танцевальной площадке гостей ждали накрытые столы, расставленные в виде двух соединенных колец, большего и меньшего. А новенькие коттеджи были готовы разместить всех гостей и обслуживающий персонал, собранный из лучших ресторанов.

Банкет удался на славу. Не то чтобы он отличался оригинальностью, чего от банкета, по-моему, и не требуется, главное, все весело и достойно. Ведущий, очень привлекательный мужчина, этакий «живчик» с приятным голосом великолепно работал с публикой. И все у него с юмором, с шутками и безо всяких пошлостей. Гости пели, танцевали, паровозиком ходили, в игры играли... Вроде все люди взрослые, солидные, но какой может быть протокол, когда вокруг все свои?..

К вечеру подъехали артисты и устроили шоу на ударных инструментах. Действительно шоу! Настоящий драйв. Народ завелся. Никто не мог устоять на месте. А потом фейерверк! Дискотека продолжалась до утра. Даже дождь, пытавшийся все испортить, не смог нас разогнать. Народ так и не лег спать, тусили до зари.

Но мы с Наташей не стали утомлять себя встречей зари за столом и встретили ее в более приятных и раскованных позах.

Твоя милейшая головка
Нашла местечко на плече.
Мне так приятно! И я ловко
Склонил тебя на грудь к себе.
Твое бесшумное дыханье
Милее песни соловья,
Твое вчерашнее признание
Звучит в ушах еще, звеня.

Пустая жизнь без милой сказки.
В нее бежит река-любовь.
В глаза глядим мы без опаски,
Огонь желанья будит кровь.
Твоя рука меня обняла,
Вторая в волосы ушла.
Еще милей, прекрасней стала,
Летит, поет моя душа.
Ах эти сладкие минуты!
Безумной страсти песнь моя!
Беру я ласками редуты,
Ты шепчешь, сдав их: «Я твоя».

Второй день был еще веселее. Сценарий придумывался по ходу действия по-пионерски, как в настоящем лагере. Выбрали вожатых, всем повязали пионерские галстуки, устроили утреннее построение с торжественной линейкой «в честь создания новой пионерской семьи» и поднятием семейного флага. Потом ходили строем, играли в спортивные игры, провели турнир по волейболу. Домой разъехались под вечер...»

Его выдернули из прежней жизни не самым деликатным способом. Растолкали с криками:

– Подследственный Саенко, на выход! Без вещей. Через минуту он стоял в кабинете, где за столом сидели два человека.

– Добрый день, Феликс Сергеевич. Присаживайтесь, – заговорил один из них. – Мы из наркоконтроля. Есть вопросы. У следствия имеются две версии. Первая, вы не знали о поставках кокаина. И если это так, в ваших интересах помочь нам с анализом ситуации в ваших фирмах. Кто, кроме вас, имеет возможность использовать грузовые потоки для незаконных действий? Кому вы доверяете и кого подозреваете? И самое главное, где мы можем найти вашу супругу? В Россию она не вернулась. У вас есть недвижимость, о которой мы пока еще не знаем?

– Как, моя жена не вернулась?

Феликсу было невыносимо гадко от состояния неволи. Голова раскалывалась от постоянного прессинга. Он попросил воды. Следователь налил в одноразовый стаканчик и протянул арестанту. Тот пил медленными глотками, оттягивая время, а ведь еще совсем недавно...

Картина, которую пишет время, не всегда приятна глазу

– Где может находиться ваша жена? – вновь прозвучал вопрос.

– Не знаю. Я вылетел без нее. Учитывая, что она женщина самостоятельная, могла улететь куда угодно. Да и при чем здесь моя жена? Она человек порядочный. Занимается экологическими проектами. Изучает археологию эпохи кельтов. Можете сразу вычеркнуть ее из списка подозреваемых. В отношении анализа дел на моей фирме, то до моего ареста все было нормально. Надеюсь, и дальше все будет хорошо, даже в мое отсутствие все будет ритмично функционировать.

– А кто следит за финансовыми потоками? Кто, кроме вас?

– У компаньонов свои направления, свои бюджеты. Акциями занимается финансовый отдел. Транспортное направление работает по годовым планам.

– Сейчас на ваших фирмах проводят аудит. Мы нашли в вашем доме компьютер.

– Этот компьютер я использую для личных целей.

– Там, на жестком диске, есть информация, которую мы пока не можем вскрыть. Но мы ее вскроем. Вы нам сэкономите время, если сообщите коды и пароли.

– Этого делать не стану. Там личные данные. Они к делу не относятся, – решительно заявил Феликс.

Он прекрасно понимал, что добаться-то они добрались, может, даже вскроют информацию, но вопрос, смогут ли они ею воспользоваться. Вряд ли. Обращаясь по ссылкам на указанные адреса банковских счетов, они получили доступ первого уровня, где их любезно просят набрать код из двух в девятой степени цифр, или ввести идентификационные наборы текстов, содержащие выдержки из произведений любимых писателей. Тут они и приплыли.

– Ну, это нам судить, что имеет отношение, а что не имеет, – вспыхнул дознаватель. – У нас складывается впечатление, что вы, Феликс Сергеевич, не желаете помогать следствию. Себе проблемы создаете? Тогда вот вам вторая версия следствия. По ней именно вы создали наркотрафик, и три килограмма были первой партией. Кстати, первые результаты аудиторской проверки показали, что не так уж хороши дела на ваших фирмах. Знаете, дебет с кредитом не сходится.

Следствие при любом раскладе даст результат. И по первой версии, и по второй есть обвинительное заключение. Только по первой вы пройдете как свидетель и, возможно, на днях поедете домой. А по второй версии вы домой попадете лет через пятнадцать. Так что выбирайте. Помогите найти вашу жену, сообщите о счетах, про которые мы еще не знаем, и спите спокойно дома.

– Мне надо подумать. Хотя, заверяю вас, обо всех счетах знают в бухгалтерии. А где находится жена, мне и самому знать интересно.

– Ну, думайте. Круг наших интересов мы обозначили. Только думайте быстрее. Ответьте подследственного назад в камеру!

Перед оклеветавшим единожды, пусть даже недруга, закроются ворота чести

В камере все оставалось по-прежнему: два зека играли в нарды, трое спали, Григорий читал книгу, а Машка лежал под шконкой.

– Привет, Сергеич. Помог следствию посадить себя надолго?

– Не знаю, Григорий, чего они хотят. Говорят, что могут мне помочь. Но мне кажется, им глубоко насрать, кого сажать. Ищут жену. А жена здесь при чем? Она далека от моих проблем. Копаются в земле, ищут кельтские артефакты. Тихая женщина.

– Не скажи. Может, им и все равно кого сажать, а вот тебе это должно быть не безразлично. Или ты будешь гнить на зоне, хотя, по твоим словам, ты ничего не сделал, или другой человек, которого ты даже не знаешь.

– На что ты намекаешь? Хочешь, чтобы я сдал свою жену? Да ты что, она была со мной последние двадцать лет! Нет. Ее предать не смогу. Так же, как и она меня. К тому же мне не известно, где она.

Пока Григорий молчал, Феликс мысленно рассуждал:

«Конечно, я предполагал, где может находиться моя суженая. Вспомнилось мне одно местечко, куда мы летали с ней вдвоем без нашего пилота. Когда у меня появились деньги, а потом и время, воплотил в жизнь свою детскую мечту стать пилотом. А потом яхтсменом. И стал. Если ее не нашли ни живой, ни мертвой, значит ей это надо. Она у меня умная. Всегда жила, руководствуясь интуицией. Почувствовала беду, даже не беду, а ее тень – и исчезла. Есть в моей памяти один телефонный номер. И этот номер на этом острове. Если она там, трубку возьмет. Кроме меня, туда никто не позвонит. Она об этом знает. Но это потом. Сначала нужно отсюда выйти. А потом и жену спасти».

– Феликс, жизнь такая штука: сегодня ты Бога за бороду держишь, а завтра он тобой зад подтирает, – вновь заговорил Григорий. – У тебя еще будет время в этом убедиться. Вот, к примеру, та же Машка. На воле был чиновником, бумаги подписывал, деньги за это получал. Потом начал подписывать выборочно. А затем стал деньги брать, но подпись не ставил. Посчитал себя крутым. Охрану завел, чтобы она его от им же кинутых защищала. Так охрана его и сдала. Кто-то заплатил больше, чем он. И судили его за изнасилование малолетки. Охрана свидетельствовала. И никакие связи не помогли. У тех, кого он кинул, связей оказалось больше. Ну а когда к нам попал, ерепенился, пока Митяй ему зубы не повыбивал, чтобы прикус был нежный. И ничего страшного. Привык. Человек ко всему привыкает. Даже к смерти... Я привыкал месяца два. Когда приказывал пятого убить, уже не нервничал. Вот и сегодня шестого к нам приведут. Не хочешь поучаствовать? Ты убиваешь, а тебе за это ничего не будет. Да, нет? Смотрю я, ты не убивец. Может, и стрелял на охоте в кабана или оленя, так то издалека. Другое дело, когда ты его бьешь или режешь и чувствуешь страх жертвы, понимающей, что ты ее смерть, и жить ей осталось на два удара сердца. Не появилось желание? – Григорий взглянул на часы. – Ну, тогда сиди и смотри. Только не дергайся, иначе сам под замес попадешь. Тебя не обманули, ты попал в пресс-хату.

Открылась дверь камеры. Надзиратель втолкнул внутрь мужчину лет тридцати с баулом и матрасом.

– Мир вашему дому, каторжане. Кто смотрящий хаты? Я Вова Курский с пересылки. Что это за тюрьма? Меня не процинковали. Выдернули – и сюда. В «воронке» один ехал, и спросить было некого.

Григорий ответил не поднимаясь:

– Ну, здравствуй, Вова Курский, давно тебя ждали. А вот и комитет для встречи...

Со шконок поднялось четверо. Двое встали по бокам от Вовы. Митяй подошел, протягивая руку для рукопожатия. Вошедший поставил баул и протянул свою. Ее тут же заломили. Со второй сделали то же. Митяй ударил Курского по ушам, потом кулаком по затылку. К этому моменту руки у новенького были стянуты полотенцем за спиной. Оглушенного, его подтащили к Григорию.

– Переверните на спину, чтобы я лицо его видел. Зря ты, Митяй, его так сильно по ушам ударил. Он должен слышать, за что ему будут горло резать. Ничего попросить нельзя! Еще косяк, и будешь на месте Курского. Пусть очнется. Скоро ужин, а тут работа подвалила.

Митяй, путаясь и оправдываясь за плохо сделанную работу, набрал в кружку воды и вылил на голову Вовы. Пришлось повторить обливание еще пару раз, прежде чем оглушенный открыл глаза.

Григорий достал телефон, набрал номер и дождался ответа.

– Он вас слушает, – сказал и перевел телефон на громкую связь.

– Здравствуй, Вова Курский. Суд тебе дал «десятку» за убийство моей жены. Но есть другой суд. Я твой суд! Ты мертв, но про это пока не знаешь.

Григорий убрал телефон и продолжил:

– Ничего личного, Вова. Рот ему заткните, не люблю вой. Режьте на дальняке. И про-стыню с туалета уберите, всегда вас контролировать надо... В последний раз, прежде чем горло перерезать, отрезали уши и нос, а это не похоже на самоубийство. – Достав из пачки печенье, Григорий стал жевать, наблюдая за действием.

Вову оттащили к туалету, положили голову над дырой, обгаженной испражнениями. Двое держали Курского за руки, третий оттянул голову, а Митяй достал ложку и стал водить отточенным краем по горлу...

Все происходило как-то обыденно, как на охоте, когда егеря разделявали подвешенного за ноги дикого поросенка, а остальные пили по первой крови и закусывали деликатесами.

Тело Вовы забилося в конвульсиях, но арестанты держали его крепко, стараясь не испачкаться кровью. Феликс был вынужден смотреть на казнь, обливаясь холодным потом.

«Десять минут назад человек улыбался, во что-то верил... И вот он труп, лежащий лицом в дерьме. В дерьме! В дерьме! В дерьме!..» – Он с трудом подавил приступ тошноты. Его руки дрожали.

– Митяй, руки развяжите и зовите вертухая. Скажите, что новичок не вынес тягот жизни, раскаялся и покинул нас, – распорядился смотрящий, обвел камеру тяжелым взглядом и, увидев испарину на лице Феликса, улыбнулся:

– Ну что, Сергеич, считаете ли вы романы Пауло Коэльо феминистическими, или не стоит обращать внимание на мнение критиков? Думаю, вы не смогли не заметить наличие у меня телефона? Желаете кому-нибудь позвонить? Или пока не готовы?

Пришли надзиратели и забрали с собой Митяя и Курского. И снова зеки играли в нарды, Машка кому-то чесал пятки. Григорий убрал телефон, потеряв всякий интерес к Феликсу.

Для тела жизнь важней всего, тем более, в гробу карманов нет

Принесли ужин. Феликсу не елось. Ему думалось. Смерть стимулирует ум.

«За меня взялись всерьез. Могли и убить. И убили б, если бы захотели. Они поступили хитрее: подставили под наркотики, посадили в тюрьму, а в тюрьме в пресс-камеру. Здесь легче инсценировать самоубийство, причем неоднократно. Явно ведут какую-то игру... Самое главное – разобраться, кому это выгодно и чего хотят от меня. Надо выбираться отсюда. А то, когда им надоест со мной играть, поступит команда, и я окажусь, как бедолага Курский, самоубийцей с перерезанным горлом».

Положив на стол ложку и так и не притронувшись к баланде, он обратился к старшему хаты:

– Григорий Михайлович, предложение воспользоваться вашим телефоном остается в силе?

– Конечно, Феликс.

– Он подсоединен к Интернету?

– Решили посмотреть, что про вас пишут в Гугле?

Саенко вошел в Интернет. Послал по E-mail послание: «Вернись – все прощу» и отдал телефон смотрящему. Он точно знал, что через несколько плавающих i-PI сообщение будет доставлено на почтовый ящик жены. И определить куда, практически невозможно. У него в концерне работают неплохие программисты. Подобные ситуации прогнозировались. Стал бы Саенко миллионером, если бы не был готовым и к тюрьме, и к суме. Особенно в России.

Впервые за последние сутки он спал крепко, зная, что с ним ничего не случится. Крепко, но недолго. Проснулся от толчка в плечо.

– Проснись, тебя к телефону.

«Сработало», – подумал он, и сердце заколотилось, как на первом свидании.

– Феликс, соглашайся на предложение следствия, – послышался в трубке напряженный голос жены. – Сообщи им, что завтра вечером я буду в аэропорту. За меня не переживай. Но бумаги, которые тебе дадут, подпиши. Все очень серьезно.

Будет еще серьезнее, если ты останешься в тюрьме. Люблю! До встречи!

– Спасибо, Григорий. Думаю, теперь все получают от меня то, чего у них нет. «Но это им не понравится», – последнюю фразу вслух он произносить не стал. – Спать. Спать. Спать...

Утром, после завтрака, Феликс обсудил с Григорием, оказавшимся начитанным людоедом, влияние глобализма на классическую японскую литературу. Потом сам лично постучался в дверь камеры и попросил надзирателя передать, что у него есть сообщение для следователя. На допрос вызвали только перед обедом. Пока ждал, прокрутил в памяти свои первые миллионы и тех, с кем тогда работал...

...Увеличение денежной массы было продумано им следующим образом. В Калининграде и в Питере доллар на три-пять процентов ниже, чем в Москве. Здесь приезжающих «из-за бугра» больше, чем отъезжающих. Он лично контролировал цены через менял. В Минске российские рубли дешевле в пересчете при покупке за белорусские «зайчики», маржа также в районе пяти процентов. Итак, операция по перевалке денежной массы выглядела приблизительно так.

Рубли меняли на доллары в портовых городах через бригадиров. В Минске баксы меняли на «зайчики», а за «зайчики» покупали рубли. Итого перевалка пятисот миллионов

в день давала на выходе пятьсот сорок семь миллионов. Со всеми накладными расходами выходило чистыми семь с половиной тысяч баксов за первый день. Дальше пирамида.

Второй день давал две суммы по пятьсот миллионов на входе. Сумма арифметической прогрессии с коэффициентом – 7500 баксов в день.

В течение недели он привлек менял и в других городах безграничного в прямом смысле СНГ. Трудились не покладая рук все желающие срубить по-быстрому. За две недели Саенко заработал свой первый «зеленый миллион». Его зауважали и встречали, как желанного гостя. Для оперативного решения валютных задач стал летать самолетами, а автомобили с наличными колесили по великой державе. Как ранее и предполагал финансовый гений, у него появились покупатели наличности не под десять, а под пять процентов. Наличные принимал «Мосбизнесбанк» и оплачивал счета поставщиков сырья. Цепочка замкнулась. Он делал деньги из денег, при этом все были «при интересе». Какие ему устраивали встречи! Никому и в голову не приходило, что это его личная схема и он ни под кем не лежит. Всех валютчиков-менял контролировали менты и бандиты. Бригады знакомили Саенко со своими покровителями обычно в ресторанах. Когда спрашивали, кто за ним стоит, он вежливо улыбался и отвечал:

– Те, кто правит бал. И не дай Бог им помешать...

Эти магические слова и поднятый вверх палец действовали, как сигнал «Стоп!» Желание задавать вопросы и, тем более, мешать Им, а не Феликсу, пропадало. Суммы, необходимые к обмену, готовились по звонку, за ними приезжали курьеры. Ему оставалось только управлять потоками. Ровно через два месяца, собрав астрономическую по тем временам сумму, Саенко вышел из игры.

При свете вскроется немало того, что тьмою рождено

– Саенко! К следователю!

В кабинете все те же деятели из наркоконтроля.

– Я хочу пойти на сделку со следствием, – с порога заявил Феликс. – Вы знаете, что меня и рядом с наркотиками не было. А я знаю, что вас наркотики интересуют постольку-поскольку. Мне нужно постановление об освобождении, хотя бы под подписку о невыезде. Лучше, если с меня снимут обвинения совсем.

– А что вы нам можете предложить взамен?

– Сообщу, где можно найти мою жену.

– Этого мало.

– А чего вы хотите?

– Нам нужно, чтобы до окончания следствия вы передали в доверительное управление свои фирмы и жили там, где мы укажем. Возможно, это будет домашний арест. Если вы готовы принять наше предложение, мы вас отпустим. Ваш семейный адвокат ждет решения в соседнем кабинете.

– Я готов. Давайте адвоката.

Документы о доверительном управлении фирмами оформили быстро, поскольку адвокат привез их с собой. Как только Феликс поставил подписи, следователи вручили ему постановление об освобождении под подписку о невыезде.

– Где жена? – спросили напоследок.

– Сегодня вечером прилетает во Внуково. Но она невиновна.

– Разберемся, Феликс Сергеевич. Вы свободны. Однако помните, что обязаны являться на вызовы следствия. Адвокат довезет вас до места. Вот ваши вещи. Охрана предупреждена. До свиданья.

Машина адвоката ждала во внутреннем дворике тюрьмы. Как только они оказались в салоне автомобиля вдвоем, адвокат сказал:

– Феликс Сергеевич, ваша жена в России и просила с ней связаться, – набрав номер и услышав ответ, передал трубку Феликсу, предупредив: – Слушайте и не перебивайте, у вас мало времени.

– Милый, я рада, что ты вышел! Но это еще не все. Есть подозрение, что после подписания документов тебя уберут. Живой ты им не нужен. Ты сообщил им банковские коды?

– Да.

– Тогда поступим так. Домой ехать нельзя. Помнишь мой экологический проект, завод по переработке мусора?

– Помню.

– Пусть адвокат отвезет тебя туда. Побудь там неделю, пока все уляжется. Когда разберусь со следствием, приеду к тебе. Люблю! Целую! И еще, милый, на полигоне вас встретит человек. Слушайся его. Это нужно для твоей же безопасности. Помни, я с тобой.

Великий дар божий: иметь, что желаешь, и умереть во сне

Все предыдущие ощущения, когда-либо испытываемые Феликсом, были ничто по сравнению с теми, что он пережил в течение последних пяти секунд. Осознание собственной свободы ассоциировалось с первым прыжком с парашютом. Вот и сейчас он словно подошел к краю перед прыжком и радовался, видя высоту. Дыхание перехватило, в голове ни одной связной мысли, радость и страх одновременно. Отпустило Феликса только тогда, когда машина выкатила за пределы тюрьмы. Пусть для того, чтобы выйти на свободу, пришлось потерять контроль над бизнесом, но взамен он получил контроль над событиями. И самое главное, объявилась жена. Судя по всему, она полностью контролирует ситуацию. Еще раз похвалил себя Феликс за интуицию и правильный выбор супруги.

Адвокат предупредил, что дорога займет больше часа, и посоветовал поспать, угостив перед этим бутербродами. Свобода и сытый желудок послужили дополнительным аргументом, и Феликса окутал приятный сон.

– Феликс Сергеевич, мы приехали, – разбудил адвокат.

Саенко вышел из машины. Пейзаж, открывшийся взору, поразил его. Горы мусора, присыпанные снегом, роющиеся в дымящихся кучах люди и стены недостроенных зданий на заднем плане. Унылая фантазмагория!

Он так увлекся созерцанием, что не заметил, как к нему подошел крепкий мужчина с суровым лицом. В руках он держал одежду.

– Меня зовут Глеб.

Бывший спецназовец опрометчиво назвал «посылке» свое настоящее имя. Поправлять не стал, будучи уверенным в том, что через день Саенко забудет не только имя Глеб, но и свое собственное.

– С этого момента я ваша нянька. Сейчас вы смените всю одежду. Не оставляйте при себе никаких личных вещей. Здесь есть даже нижнее белье. Не брезгуйте. Все чистое.

Помня слова жены о необходимости выполнять инструкции, Саенко стал переодеваться, несмотря на холод. Теплое белье, комбинезон, фуфайка, шапка-ушанка, валенки.

– Готовы? Теперь попрошу вас о помощи. Пойдемте. – Глеб взял прежнюю одежду и пошел вперед.

Феликс двигался за ним. Между дощатых, обитых картоном и полиэтиленовой пленкой халуп лежал обнаженный труп мужчины и, судя по всему, недолго.

– Помогите его одеть. Берите за ноги, – приказал Глеб.

Покойника быстро одели в одежду Феликса и через десять минут усадили в машину адвоката. В карманах жмурика лежали документы и телефон, ранее также принадлежавшие бизнесмену Саенко.

– Я положил в багажник канистру с бензином. Эту сумку отдайте человеку, с которым встретитесь на одиннадцатом километре. Он будет там в восемнадцать десять, – распорядился Глеб, прощаясь с адвокатом.

Машина медленно покатила вдоль гор мусора.

– Сейчас покажу ваше жилье. Вот еда, вода, спички, сигареты и спальник. Берите и идите за мной, – скомандовал Глеб.

Жить трудно на земле тому, кого к себе призвало небо

Адвокат сел в машину и плавно покотил по замерзшей земле, из которой торчали куски полиэтиленовой пленки. Пленка трепетала на ветру, словно земля выбросила белые флаги перемирия.

На душе было как-то беспокойно и тяжело. Вроде что-то давило. И он понял, что зря послушался отца и выбрал профессию, вынуждающую копаться в чужом белье. Адвокат обрадовался, что понял причину своего подавленного состояния, и решил, что бросит работу, просто тихо уйдет. Переедет куда угодно, чтобы только не видеть и не слышать людей из прежнего окружения. Как он устал заботиться о карьере, деньгах, квартире, машине, нарядах жены, обучении детей в престижных школах! Себе отказывал в малом, в элементарном отдыхе, в двух днях в неделю. Все откладывал на завтра. Через месяц исполнится сорок, а он ни разу не был в отпуске...

Огни встречных машин ослепляли белым светом фар. Глаза начинали слезиться. Но это были слезы не только от раздражения светом и усталостью, это были слезы жалости к себе. Кресло машины почему-то остыло и вызывало неприятную дрожь в теле. Водитель не понимал, когда вместо обогрева включил режим охлаждения. Повернул ручку регулятора до максимума, и кресло как-то странно повело себя. Оно стало словно желатиновое, из-под него повалил едкий дым.

Задержав дыхание, водитель направил автомобиль к обочине, вдавливая всего себя в тормозную педаль, но машина не собиралась останавливаться. Круиз-контроль держал скорость сто девять километров. Адвокат сделал последний вдох. Дым и пары хлорвинила наглухо заблокировали его сознание и легкие.

По трассе мчался огненный шар, заставляя машины сворачивать, кто куда. Оглушительный взрыв разбросал шар на тысячи ослепительных осколков. Движение остановилось. Ночное небо осветили прожекторы вертолета МЧС...

Оглушительный взрыв разбросал шар на тысячи ослепительных осколков. Движение остановилось. Ночное небо осветили прожекторы вертолета МЧС...

В утренней сводке значилось: согласно найденным документам, известный бизнесмен Феликс Саенко и его адвокат погибли в автокатастрофе. По предварительным данным, причиной трагедии стало превышение скорости, приведшее к взрыву при столкновении.

Коль вышел гордо в путь нескорый, к чему тогда тебе спешить?

Задолго до описываемых событий

Конек Глеба Радионова – подрывные работы. Надо устроить подземный взрыв без выброса грунта, чтобы через год-другой туда провалилась автомагистраль или железная дорога – нет проблем. Завалить многоэтажку, сложив ее, как карточный домик? Три человека и полчаса работы. Устроить камнепад в горах с помощью ста грамм тротила – к нему. Пулю пустить на триста метров в прищуренный глаз – легко. Таких как он, бывших спецназовцев, много по расколоте империи разбросало. Делают то, чему их научили. Многие работают в частных охранных структурах. Ему же по душе военная романтика, потому так нигде и не осел.

Недавно его пригласил к себе товарищ по службе – Сергей. В былые времена он занимался координированием операций, а сейчас возглавляет охрану сети гостиниц.

Пообедали вместе, и Сергей позвал гостя к себе в кабинет для разговора.

– Дружище, нужна твоя помощь, – начал разговор хозяин кабинета, предлагая присесть. – Выкрали Ольгу, дочь босса. Теперь требуют выкуп. Выкупить-то можно, но этим беспредел не остановить. С помощью друзей из службы защиты информационных каналов сотовой сети мы точно знаем место, где ее содержат. Обращаться с этой информацией к федералам – бесполезно. Сам знаешь. Нас «солют», а террористы цену повысят или, того хуже, убьют девчонку. Вся надежда на тебя...

– Один не справлюсь, – не задумываясь, ответил Глеб, удобно усаживаясь в кресло.

– Это понятно. Набирай команду. Вопрос с транспортом и оборудованием решим. Вооружение за тобой. Девушку выкрали неделю назад, на отца вышли два дня тому. Затребовали пять миллионов долларов. Ведем переговоры, аргументируя тем, что для сбора такой суммы требуется время. Сможем продержаться дня два-три. Потом выиграем пару дней, выбирая место передачи. На все про все у тебя пять дней. Максимум! – Сергей налил две рюмки коньяка.

– Какова сумма гонорара? Я должен сообщить партнерам, – поинтересовался спецназовец, принимая коньяк из его рук.

– Триста тысяч «зеленых».

– Ответ дам через два часа.

– Глеб, я на тебя надеюсь, – Сергей поднял бокал, и они чокнулись, произнеся: «За нас!»

Обзвонив бывших сослуживцев, не раз работавших в таких ситуациях, и заручившись их согласием, Радионов тут же позвонил Сергею, сообщив, что берется за дело, и назначил встречу в гостинице «Митино».

Перелет из Москвы в Краснодар на частном самолете прошел быстро и организованно. Группа пересела на четырехместный вертолет, который к обеду доставил их в лесопосадку, находившуюся в нескольких километрах от точки намеченной операции. В тени плюс сорок. На родине такая жара – просто пекло, а здесь терпимо, потому что сухо. Операцию по спасению заложницы надо было провести в течение этих суток. Местность, где ее содержат, изучали с помощью компьютера, гуляя по спутниковой карте. Запомнили каждый сарай, куст и кочку.

В команде трое. Все опытные. Перекусили и легли отдыхать, дежуря по очереди. Выдвигаться в рабочую точку решили за два часа до восхода солнца. Здесь темнеет и светает быстро, как обычно в этих широтах.

В назначенное время начали операцию. На полусогнутых, бесшумной цепочкой след в след, двинулись к цели. Обошли объект и рассредоточились. Контроль въездных ворот и западной части осуществляет «Третий», то есть Глеб. Юго-восточное направление отслеживает «Второй», северо-восточное – «Первый».

Естественно, старший группы Глеб, но позывной «Третий» выбран в целях повышения вероятности успеха операции. В случае радиоперехвата – в первую очередь будут крыть «Первого».

На загнившем стволе погибнут и зеленые ветви

Группа залегла и стала слушать эфир. «Третий» укрылся в сухой канаве возле самих ворот. Связь осуществлялась обычными средствами радиоперехвата. Начало светать. На объекте заработала мобильная связь, и вскоре стало ясно, что там три охранника и старшего зовут Магд и.

Около восьми часов утра состоялся телефонный разговор, заинтересовавший Глеба.

– Магди, как дела?

– Все нормально. Как ты, Ча?

– Скоро к тебе поедет «газель». Там продукты и кое-что еще. Все выгрузи. «Кое-что» положишь в нужное место. Выйдешь на связь, когда подъедут. Получишь пароль. Понял?

– Понял. Все сделаю, как надо, Ча.

«Грамотно работают, – отметил Радионов. – Ча, по-ихнему, медведь. Наверное, это босс».

В километре на восток запылила дорога. И вскоре «Третий» увидел автомобиль, двигавшийся в их сторону.

– Вступает в силу план «А».

«Второй» и «Первый» подтвердили.

Машина остановилась у ворот.

– Подъехала «газель», – проинформировал босса Магди.

– Твоя цифра 27.

– Есть 27, Ча, – ответил мобильный в «газели».

– Ча, это Хонкар, я у ворот.

– Сумму помнишь?

– Да, Ча.

– Твоя цифра 73. Работай.

– «Третий», на крыше дома два автоматчика, плохо видимые из машины и хорошо обозначенные с тыла, – доложил «Второй».

В стальных створках ворот открылось маленькое окошечко и послышался голос Магди.

– Сколько привез?

– Семьдесят три, – ответили из кабины.

Ворота открылись и впустили машину, а вместе с ней и Глеба, укrywшегося под «брюхом» машины. Как только автомобиль остановился, он прямо из-под машины всадил в Магди две пули. «Стечкин» с глушителем сработал безукоризненно. Убедившись, что справа и слева чисто, сменил место дислокации, спрятавшись за задним бортом «газели». Из открывшейся двери кабины на землю опустилась левая нога водителя. Вот и вторая нога коснулась земли. Он поворачивается всем туловищем в сторону стрелка, и на его лице застывает выражение изумления и ужаса. Три выстрела в грудь толкнули водителя спиной о раскрытую дверцу. Он упал, и тут же над головой «Третьего» засвистели пули, выпущенные наблюдателем с крыши. Глеб закатился обратно под «газель». Свинец яростно заскрежетал о стальную будку.

«Второго стрелка не слышу. Видать, выжидает или его сняли мои бойцы», – просчитывал ситуацию Глеб.

В наушнике ничего не разобрать из-за грохота. Вдруг стрельба затихла. В наушнике отчетливо прозвучал голос «Второго»:

– «Третий», слева чисто. Справа – живой.

– «Третий» понял.

Глеб выкатился за правый борт и, выхватив Ф-1, бросил на крышу. Опять захлопали выстрелы, затрещали о борт пули. Раздался взрыв. Автомат замолк. «Третий» снова закатился под кузов и, к своему удивлению, обнаружил, что шофер, лежавший у переднего колеса, исчез.

– Блин! – сплюнул Глеб сквозь зубы, поняв, что водила был в бронежилете. – Черт, не хватило секунды, чтобы покончить с ним выстрелом в голову! Теперь лежи и рассматривай двор из-под машины...

– «Третий», справа все чисто.

– «Третий» на связи. Водила исчез. Осторожно...

– «Третий», вижу водителя. Он за каменным колодцем посреди двора. Тычет пальцами в телефон. Не вооружен. Что делать?

– «Второй», держи его на прицеле. «Первый», контролируй пространство и щели...

Глеб вскочил и быстро пробежал к колодцу. Встав на корточки, приставил ствол к голове водителя и прошипел:

– Телефон на землю. Животом вниз. Руки за голову.

Водила беспрекословно повиновался.

– «Первый», остаешься на крыше. Верти «башней». «Второй», ко мне. Вяжи водилу. Мостиком и потуже.

Сквозь тусклое стекло мне видится в рубинах мало блеска

Пока «Второй» занимался шофером, «Третий» стал осматриваться. Вокруг гробовая тишина.

– Есть кто живой? – прокричал Глеб. – Мы свои. Пришли выручать заложников...

Откуда-то послышался вой. Бойцы стали осматривать строения и наконец добрались до дальнего сарая, откуда и исходили звуки.

«Второй» выбил ногой дверь в сарай. Соблюдая меры предосторожности, они вошли внутрь.

– Мы здесь! – послышался из-под земли человеческий голос. – Тут, кроме нас и крыс, никого нет!

Спецназовцы огляделись по сторонам. Саманный сарай метров шесть на семь, выбеленный светлой глиной, видимо, раньше служил хлевом. Справа от двери – сложенный из камней очаг с чугунной плитой сверху. Возле плиты несколько мешков. Рядом валялись закопченные казанки, в которых хороший хозяин даже скотине не станет готовить.

А вот и люк метр на метр, приваленный бревном. Поднять его даже двоим, стоящим на земле, не под силу, не то что попытаться открыть снизу, из погреба. В крышке люка небольшое отверстие, выпачканное чем-то похожим на остатки варева в кастрюлях. Возле стены лестница. Видимо, по ней спускались и поднимались заложники.

– Среди вас Ольга есть? – громко спросил Глеб.

– Есть, – ответил женский голос.

Бойцы вдвоем откатили бревно и открыли люк... В нос ударил невыносимый смрад, смесь невымытых человеческих тел и испражнений. Едкий запах нашатыря резанул по глазам, заставив веки инстинктивно сомкнуться. Бойцы опустили лестницу.

– Ольга, выходи, – командовал «Третий».

Прошло не менее минуты, пока в проеме показалась женщина со стянутыми в узел грязными волосами и красными слезящимися глазами.

– Ты Ольга? Тридцать лет? – переспросил Глеб, не веря, что это чумазое существо с мешками под глазами и есть разыскиваемая им девушка.

– Да, это я...

– Выходите по одному. Сами справитесь или помощь нужна?

– Сами вылезем, – отозвались люди.

Покинув сарай, бойцы спешно осмотрели грузовик. Весь периметр кузова занимал бронированный шкаф высотой в полтора метра, закрытый на встроенный замок. В кармане водилы нашлись ключи.

– Третий, местный босс на связь вышел, необходимо срочно отвечать, – предупредил «Второй».

Прошло не менее минуты, пока в проеме показалась женщина со стянутыми в узел грязными волосами и красными слезящимися глазами.

– Подключай.

– Слушаю тебя, Ча, – голосовой синтезатор сработал чисто, и вместо Глеба на том конце услышали голос Магди.

– Что у вас?

– Полный порядок.

– Хвалю тебя, Магди. Сделай вот что: бабу подготовьте, пусть умоется. Дай ей нашу одежду и покорми нормальной едой. Вечером привезешь, куда укажу. Хонкар пусть остается в лагере. Понял?

– Все понял, Ча, – ответил Глеб.

– Есть время привести себя в порядок и отдохнуть, – распорядился Третий. – Душевая за теми листами шифера, вода в бочке на крыше.

Заложники почему-то не торопились мыться. Старший заглянул в сарай. Трое изможденных мужчин и женщина выскребали кастрюлю с варевом, запуская в нее руки, а потом с

жадно облизывая. На удивление, изголодавшиеся люди не толкались, терпеливо дожидаясь своей очереди. Глеб не стал им мешать.

– Это не сон? Ущипните меня, – сказала Ольга.

– Не сон, – улыбнулся спаситель. – Я «Третий». Вот ваша одежда, туалетные принадлежности, документы. – Потом обратился к мужчинам: – Умойтесь, побрейтесь и выстирайте одежду. Солнце высокое, высохнет быстро. Я не спрашиваю, кто вы и откуда. И вы не задавайте вопросов. Вечером вывезем вас отсюда и высадим у ближайшего поста ДПС. Говорите что хотите, но ни слова о том, где и с кем были.

Ольга разделась, не стесняясь наготы, и скрылась за шиферными щитами, а через мгновение оттуда послышался звук льющейся воды. Мужчины набирали воду из колодца. Они мылили одежду и ею мыли друг друга.

– Ты, браток, не смотри, что мы прилюдно голяком, – поймав взгляд спецназовца, сказал пожилой мужчина. – Не до этикета. Месяц не мылись...

– Интересно, что Ча просил спрятать и где это нужное место? – подумал вслух Глеб.

– Какие интересные игрушки! Это же противотанковые мины времен второй мировой! – воскликнул «Первый», открыв бронешкаф.

– Где этот хлам хранился? Это сколько ж поясов шахида можно сделать?! – не удержался «Второй». – Сколько машин и домов взорвать. Сколько сотен, а то и тысяч человек сделать инвалидами, сиротами, жизни лишить!

– Ну что ж, устроим фейерверк на прощание, – предложил «Третий».

Оскорбление небу отзывается земной скорбью

Заложники уснули прямо на земле в тени. Для них она была лучше перины. Тепло и чисто. Одежда сушилась тут же, на земле, под палящими лучами солнца. Ольга, одетая в приличный джинсовый костюм, тоже спала.

Глеб с ребятами переделался в обычную одежду и осматривал привезенный харч. В глиняном горшке литра на три оказалась жареная баранина, приправленная чесноком и залитая жиром. Такая тушенка могла храниться при любой жаре, как минимум, месяц. Во втором горшке был плов, в третьем – долма, голубцы в виноградных листьях, тоже залитые жиром. Среди провизии спасители обнаружили козий сыр, мед, овощи и зелень. Провиант отменный и жить здесь, видимо, собирались долго.

Война войной, а обед по распорядку. Для восьмерых одного горшочка на обед вполне достаточно. Растопив плиту, поставили на разогрев голубцы. Когда все прогрелось, аккуратно слили бараний жир.

День пошел на убыль. Народ потихоньку стал просыпаться и облачаться в выстиранную одежду. Расселись трапезничать прямо на расстеленный брезент. Прием пищи прервал телефонный звонок.

– Магди, как дела? – поинтересовался Ча.

– Все сделал, как ты сказал, – ответил Глеб вместо Магди.

– Хорошо. Как обед?

– В жизни не ел ничего подобного...

Слушая разговор, водила поднял голову. В его изумленном взгляде читалось: «Ну как же босс не поймет, что это не Магди, голос которого похож на голос барса, а не ишака? Почему не позвонит ему?»

Ча говорил долго. Глеб-Магди отвечал односложно. Зазвонил телефон водилы.

– Это ты, Хонкар?

– Да, – снова ответил Глеб.

Водила даже повернулся в сторону говорившего.

– Ночью, когда придет Магди, заберешь «баранов» и отвезешь на строительство тоннеля. Только сполосни перед тем, как сажать в машину. Загадят все свиньи неверные...

– Понял, Ча.

– Все. До связи.

«Так вот почему в железном шкафу проделаны отверстия в дне, – догадался Глеб, – чтоб пассажиры не задохнулись! Поэтому и перевозят ночью».

Отыскав несколько канистр с бензином, бойцы залили полный бак и остаток прихватили с собой. Чтобы прорваться к своим, придется проехать более трехсот километров. Из жестянок сделали колпаки на фары, чтобы освещали дорогу только перед колесами, как у военных автомобилей. Включение дальнего света вывели, минуя включение габаритов.

Все мины, общий эквивалент с полтонны тротила, сложили в центре территории. Когда долбанет, разнесет все в радиусе трехсот метров на мелкие кусочки. Глеб поставил таймер-замедлитель на шестьдесят минут и подключил инициализатор – телефон Хонкара.

«Если босс позвонит, мы ответить не сможем. Тогда он перезвонит Магди. А я скажу, что не знаю, почему Хонкар молчит. Если босс позвонит через час, а к этому времени мы будем километров за пятьдесят, все взлетит к чертовой матери. И я опять отвечу, что ничего не знаю. Если, конечно, будет связь. Потом скажу, что меняю колесо, потом, что клею камеру... В общем, часа три-четыре у нас есть. Значит, вероятность проскочить к своим высока», – прокрутил Глеб в голове возможный сценарий будущих событий.

Свет всегда заметнее из темноты

После успешно проведенной операции Глеб уехал в Карелию порыбачить, но через две недели его отдых прервал звонок Сергея.

– Друг, бросай все и лети ко мне.

И он полетел.

– Тут вот такая «бодяга»: через купленные у наших конкурентов каналы стало известно, что нас хотят подставить и забрать наш бизнес. Я имею долю в отельном бизнесе, и терять ее нет никакого желания. Если ты сможешь нам, мы тебя отблагодарим, – без предисловий выложил главную мысль Сергей.

– В чем суть?

– Дело простое, но сделать его надо чисто. Люди, желающие нас подмять, сидят на наркоте. Нам известен их лидер. Если его грохнуть, все останется на своих местах. Если нас подвинут, то народ будет дурью пичкать.

– Да не тяни. Ты знаешь, как я к наркоте отношусь... Мою сестричку Галинку-былинку посадили на иглу. Конечно, помогу. Нужна максимально полная информация: маршруты, автомобили, графики, места пребывания. После анализа скажу, как будем действовать.

– Не будем, а будешь. Это самое главное условие. Мы с тобой не увидимся до положительного исхода операции. О деньгах и технических средствах договоришься по этому телефону. За работу получишь сто тысяч «зеленых». Вот твоя сумма. – Он достал из сейфа и положил перед Глебом пачку столлларовых банкнот, перетянутых пластиковой лентой.

Выспаться в гостинице не получалось. Полночи в стену долбили кроватью и слышались охи да ахи. Такое впечатление, что там работала живая секс-машина. Приняв душ и позавтракав, Глеб позвонил на указанный номер, изложил автоответчику свои пожелания и запросил интересующую информацию по объекту. Через минуту получил ответ, что все необходимое подготовят не позднее завтрашнего утра. Значит, впереди целый день. Он поехал на кладбище к своим, а из «своих» только и всего, что могила сестры.

Идя в спецназ, Радпонов понимал – семьи нет. Пока разбирался с «духами», потерял сестру. Одно радует, что смог перезахоронить на другом кладбище, прикупив кусок земли с расчетом для себя.

Железная кованая ограда, две гранитные надгробные плиты. На одной – портрет сестры в выпускном платье и с голубем на плече, на другой – только цветы. Он присел на скамеечку. Воздух теплый, приятный. Береза ветками-косами коснулась его волос, будто сестренка стояла рядом. На глаза навернулись слезы.

«Ничего не вернуть назад», – тяжело вздохнул Глеб и вспомнил детство...

Ничто так не притягивает, как противоположность

«Мы с сестрой двойняшки. Родителей своих не знали. Отец погиб на шахте. Его завалило в забое, когда мать была на сносях. Она умерла в родах. Нам не было жалко ни ее, ни отца. Наверное, потому, что никогда их не видели, не знали. У меня была сестра, а у нее был я. Ложились и вставали вместе. Даже ложками стучали в унисон. А жили мы с бабкой, которая нас не баловала. Она больше занималась козами да огородом, чем внуками. Счастливое детство с морями, горами, цирками и велосипедами – это не про нас. Школа, работа по дому, летом подработка. Тут не до учебы. Хорошо хоть росли здоровыми, крепкими детьми, а главное, вместе. Галка была красавица, а я богатырь! На голову, а потом и на две выше сестренки. Наверное, поэтому на нее косо глянуть боялись. Помню, как-то на танцах к ней стал приставать заезжий торговец южными фруктами. Я сестренку высвободил, а на меня трое набросились. Но только я к тому времени уже имел опыт уличных боев, да и боли не боялся. Легко справился с обидчиками. И пусть разбитая губа и фингал под глазом еще долго напоминали о нелегкой победе, сестру больше никто не обижал.

После десятого класса меня определили в военное училище, а сестру в мясомолочный техникум. Мы пытались сопротивляться. Я просился тоже в техникум, но судьба распорядилась по-своему.

В училище я попал в спортроту по рукопашному бою. Затем еще дальше и еще круче. Прошел переподготовку в группе «Альфа», научился владеть всеми видами оружия. Мне как-то сразу запало в душу подрывное дело, и вскоре мне предложили пройти дополнительную подготовку в особом отряде саперного взвода. Теория и практика по двенадцать часов в день, включая ночные занятия. Третила – завались! Шашки и мины, снаряды, авиабомбы, донные и якорные мины всех видов от первой империалистической до современных, и не только отечественные – все в нашем распоряжении. За три месяца разминирования, минирования, подрыва, пробивания, заваливания, обрушения, превращения в пыль всего чего угодно я стал асом своего дела. Затем спецоперации в Афгане, в Прибалтике, освобождение заложников.

А потом бардак в стране. Галя стала редко писать. Да и почта не всегда доходила из-за постоянной передислокации и образования границ. Потом наступила тишина. Узнал от соседей, что бабка свой участок, гектар земли на живописном берегу реки, переписала на сестру, а нелюди посадили ее на иглу, чтобы ту землю зацапать».

Становление «воинов»

За пятнадцать лет до настоящих событий

Братья Залаевы, маленький Эльса и его старший брат Эмиль, переехали в Подмоскowie с Кавказа. Их семье было трудно выжить на родине, так как земли у родителей не было, а работы в магазине «Райпотребсоюза» просто не стало. Полностью дотируемая государством экономика Чечни исчезла. Зато стал появляться и расти, как на дрожжах, класс работников и рабовладельцев. Людей вербовали, воровали, ломали, опускали до состояния скотов, а затем пользовали, как ишаков, и относились к ним соответственно. Вот и пришлось Руслану Залаеву, отцу Эльсы и Эмиля, наниматься к своим соплеменникам смотрителем. Несмотря на то, что «свой», платили по минимуму, требовали по максимуму. Руслану оставалось только идти на всякие хитрости, стимулируя работу рабов.

Избивал, втапывая в грязь, морозил холодом, стрелял в них из пневматического оружия. Пытался не кормить, не выводить из зиндана. Становилось еще хуже, потому что обесилевшие люди вообще не могли работать.

Мальчики большую часть времени крутились возле отца, внимая каждому его уроку. В семье было два главных девиза: первый – «чеченец всегда прав», второй – «женщина в Чечне никто, и звать ее никак». За то, что посмела высказать свое мнение, ее должен убить первый встречный мужчина чеченец, будь это даже ее собственный отец. Своих женщин сексуально не трогать, за них могут отомстить родственники. Если она сирота – то кровная месть жителей общины, клана, тэйпа.

Руслан понимал, что так жить невозможно. Старший сын в школу не ходит, потому что русских учителей выгнали, а своих нет. Младшему скоро семь. Он умеет курить и сквернословить, но с трудом ведет примитивный диалог. Через пять лет оба пополнят ряды боевиков. Вот и вся перспектива. А еще он боялся возмездия за измывательство над невинными узниками. Руслан искал выход. Он знал, что многие его соплеменники выехали на большую землю и неплохо устроились. Решиться на переезд ему помог дальний родственник, державший продуктовый рынок в небольшом подмосковном городке.

Переехав в Россию, Залаевы попали в иной, цивилизованный мир. Мальчики впервые увидели смываемый туалет только в поезде, а здесь он в каждой квартире. Руслана поставили торговать зеленью. Его задача – контролировать лотки зеленщиков, подвоз новых партий товара и сбор денег. Это он делать умел, особенно требовать с работников. Практика с рабами пригодилась.

Босс, Магомед Магомедович, через месяц переселил семью Руслана из перевалочной коммуналки в двухкомнатную квартиру и выделил личный автомобиль, потрепанную «копейку». Магомед приказал устроить детей в школу, сказав: «Мне и тебе нужны умные парни».

Потекла жизнь, ранее и не снившаяся. Вот уже Эльса в пятый класс перешел, а Эмиль в восьмой. В школе много чеченских детей, старшие держат школу в постоянном напряжении, показывая, кто здесь авторитет. Эмиль решил не отставать, и вскоре о его безобразных выходках заговорили многие педагоги. То он оскорблениями довел до истерики старшеклассницу, то сломал нос однокласснику, напав на него в раздевалке. Как ни удивительно, но все ему сходило с рук. Совершенно одурев от полной безнаказанности, Эмиль Залаев обзавелся пневматическим пистолетом. Одноклассники поговаривали, что он частенько являлся с ним в школу и, размахивая пушкой перед носом сверстников, завоевывал их уважение.

Родителям таки пришлось забрать своих отпрысков из пострадавшей школы, и Эмиль с Эльсой стали кочевать из одной в другую. Говорят, прощаясь с братьями Залаевыми,

учителя не скрывали слез радости. Последней была школа № 12, придя в которую учеником 11-го класса, Эмиль сразу решил поставить точки над «і», объяснив, кто здесь авторитет. И вскоре отличился.

Когда в голове пустота, особенно легко бывает телу

Пятеро десятиклассников пришли в кинотеатр «Европейский», где их уже поджидал Эмиль Залаев. Увидев у одного из парней мобилку, потребовал отдать ему. Парень отказал...

После сеанса Эмиль с братом и четырьмя приятелями преследовали подростков от развлекательного центра. Дождавшись, когда компания зайдет во двор, Эмиль с «бригадой» нагнал их. Хозяин мобилки оказался не робкого десятка. Схватив валявшуюся неподалеку доску, стал отбиваться. Тут Залаев и его компания выхватили пневматические пистолеты и стали палить из них. Кто знает, чем бы дело закончилось, если бы не проезжавший мимо милицейский патруль. Увидев машину, грабители бросились врассыпную. На поле боя остались раненый хозяин мобилки и его друг: одного стражи порядка доставили в отделение, другого «скорая» завезла в хирургию. В голове мальчишки оказалось две пули. Одну врачи извлекли, вторую, засевшую слишком близко к виску, доставать не рискнули.

Эмиля отчислили из школы. А тринадцатилетний Эльса, устав от размеренной жизни в чопорном учебном заведении, набрал «02» и сообщил, что школа заминирована.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.